

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ПОПОВ И ВОРОБЬЕВ против РОССИИ»

(Жалоба № 1606/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

23 апреля 2009 г.

Данное постановление станет окончательным при условиях, установленных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Оно может стать предметом редакционного пересмотра.

По делу «Попов и Воробьев против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя*,
Нины Вайич,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штейнер,
Ханлара Гаджиева,
Дина Шпильмана,
Сверре Эрика Йебенса, *судей*,

а также при участии Сёрена Нильсена, *Регистратора секции*,
заседая за закрытыми дверями 2 апреля 2009 г.,
вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Рассмотрение дела было инициировано жалобой (№ 1606/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двумя гражданами России, Сергеем Юрьевичем Поповым и Вадимом Геннадьевичем Воробьевым («заявители»), 11 июля 2001 г.

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена юридическая помощь, представляли практикующие в Москве юристы Центра содействия международной защите и адвокат Т. Золотарь, практикующая во Владивостоке. Интересы Правительства Российской Федерации («Правительство») представлял П. Лаптев, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. В соответствии со статьей 3, заявители жаловались на условия их предварительного содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ- 25/1 г. Владивосток. В соответствии с пунктом 3 статьи 5, они жаловались, что длительность их предварительного содержания под стражей не была оправданной, и в соответствии с пунктом 4 статьи 5 – на отсутствие эффективной процедуры обжалования законности их содержания под стражей.

4. 2 марта Суд объявил жалобу частично приемлемой и принял решение о коммуникации жалоб, поданных заявителями в соответствие со статьей 3 и пунктами 3 и 4 статьи 5, Правительству государства-ответчика.

5. Суд также принял решение о единовременном рассмотрении жалобы по приемлемости и по существу (пункт 3 статьи 29 Конвенции).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители родились в 1964 г. и в 1963 г. соответственно и проживают в г. Владивосток, Россия. Во время рассматриваемых событий первый заявитель, сотрудник милиции, и второй заявитель, бывший сотрудник милиции, являлись председателем и заместителем председателя местного профсоюза сотрудников правоохранительных органов.

А. Содержание заявителей под стражей в ИЗ-25/1 и их ходатайства об освобождении

7. В связи с обнаружением двух взрывных устройств и патронов в квартире третьего лица К., 28 октября 1999 г. отделом внутренних дел по Приморскому краю и Федеральной Службой Безопасности РФ («ФСБ») было возбуждено уголовное дело по статье 222 ч. 1 Уголовного кодекса РФ («незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств»).

8. 14 января 2000 г. заявители были задержаны. 17 января 2000 г. прокуратурой Приморского края срок содержания заявителей под стражей был продлен на основании тяжести обвинения и возможности скрыться от органов либо помешать отправлению правосудия.

9. 24 января 2000 г. заявители были помещены в следственный изолятор ИЗ-25/1 («следственный изолятор» - в некоторых из представленных Суду документов также проходит как ИЗ-20/1) г. Владивосток.

10. 13 марта 2000 г. прокуратурой Приморского края срок содержания заявителей под стражей был продлен до 10 апреля 2000 г. по тем же основаниям, а именно возможности скрыться от органов или помешать отправлению правосудия.

11. 3 апреля 2000 г. прокуратурой Приморского края срок содержания заявителей под стражей был продлен до 10 мая 2000 г. Адвокат первого заявителя обжаловала решение о продлении срока содержания. 28 апреля 2000 г. Ленинский районный суд г.

Владивосток оставил жалобу без удовлетворения, указав, что заявитель имеет право обжаловать данное решение в Приморский областной суд. Первый заявитель жалобы в суд второй инстанции не подал.

12. 27 апреля 2000 г. прокуратурой Приморского края срок содержания заявителей под стражей был продлен до 10 июля 2000 г. на основании тяжести предъявленного обвинения и возможности скрыться от органов или помешать отправлению правосудия.

13. 10 июля 2000 г. следственные органы направили уголовное дело в отношении заявителей в Приморский краевой суд для определения подсудности дела. 13 июля 2000 г. краевой суд определил, что дело должно слушаться Фрунзенским районным судом Владивостока («районный суд») и направил дело в данный суд.

14. 8 августа 2000 г. районный суд провел предварительное слушание и назначил судебное заседание на 11 октября 2000 г. Суд также принял решение о продлении срока предварительного содержания заявителей под стражей, применив общую формулировку к обоим заявителям и указав: «меру пресечения в отношении [обоих заявителей] - содержание под стражей - оставить без изменения». Каких-либо оснований для продления срока предварительного содержания заявителей под стражей указано не было.

15. Во время судебного разбирательства по делу заявителей 11 октября 2000 г. суд удовлетворил их ходатайство о назначении дополнительной дактилографической экспертизы. Для проведения экспертизы суд направил дело в Москву. Слушание дела было отложено. Во время судебного заседания заявители обжаловали длительность содержания под стражей в районный суд в соответствии со статьей 276 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР («Заявление и разрешение ходатайств») и ходатайствовали об освобождении из-под стражи до суда. Заявители указали, что имеют постоянное место жительства; что у них есть необходимые средства связи для поддержания постоянного контакта с органами; что они всегда имели положительные характеристики; что у них есть боевые правительственные награды; что у них есть несовершеннолетние дети и что они оба страдают заболеванием почек, лечение которого в условиях следственного изолятора невозможно. Их жалоба была приобщена к материалам дела (страницы 497-499), но не была рассмотрена судом.

16. 29 октября 2000 г. первый заявитель подал жалобу в районный суд, в которой среди прочего указал, что он содержится под стражей больше десяти месяцев, и ходатайствовал об освобождении из-под стражи до суда. Данная жалоба не была рассмотрена судом.

17. 30 октября 2000 г. второй заявитель подал жалобу в районный суд и заявил ходатайство об освобождении из-под стражи до суда. Он

указал, что у него два несовершеннолетних ребенка, что он никогда не подвергался уголовному преследованию, что у него имеется постоянное место жительства и что он не намеревается скрываться от органов. Данная жалоба не была рассмотрена судом.

18. 10 ноября 2000 г. первый заявитель направил жалобу в Генеральную прокуратуру. В ней он отметил, помимо прочего, что длительность его содержания под стражей превысила десять месяцев и что его ходатайства об освобождении до суда рассмотрены не были. Данная жалоба властями рассмотрена не была.

19. 16 ноября 2000 г. и 12 декабря 2000 г. второй заявитель обжаловал законность своего содержания под стражей в районный суд. Он ходатайствовал об освобождении из-под стражи до суда. В своем заявлении он отметил, что у него проблемы с зубами, а необходимая медицинская помощь в следственном изоляторе отсутствует. Он также отметил, что имеет постоянное место жительства и что ему надо заботиться о двух детях и престарелой матери, а также что он не намеревается скрываться от органов. Данные жалоб не были рассмотрены судом.

20. 3 января 2001 г. первый заявитель обратился в районный суд с просьбой рассмотреть вопрос о законности содержания его под стражей. Заявитель указывал на плохие условия содержания под стражей, общее ухудшение состояния его здоровья и на отсутствие медицинской помощи в изоляторе. Он просил освободить его из-под стражи до суда. В своей жалобе заявитель указал, что у него есть семья и ребенок, о ком ему надо заботиться, что у него есть постоянное место жительства, что он являлся сотрудником милиции на протяжении 15 лет, что у него были положительные характеристики и что он не намеревается скрываться от органов. Данная жалоба не была рассмотрена судом.

21. 3 января 2001 г. второй заявитель обжаловал незаконность своего содержания под стражей в районный суд. Он ходатайствовал об освобождении из-под стражи до суда. В своем заявлении он отметил, что у него уже выпало несколько зубов, а также что у него были и другие проблемы со здоровьем, в то время как в следственном изоляторе медицинская помощь ему не оказывалась.

22. 12 января 2001 г. районный суд направил ответ второму заявителю. Ответ был очень кратким и никакого судебного решения не содержал. В нем было указано: «На сегодняшний день суд не усматривает причин для изменения меры пресечения».

23. 23 января 2001 г. и 20 февраля 2001 г. второй заявитель обжаловал незаконность своего содержания под стражей в районный суд. Он ходатайствовал об освобождении из-под стражи до суда. В своем заявлении он отметил, в частности, что у него выпало восемь зубов и беспокоили почки, в то время как в следственном изоляторе

медицинская помощь не оказывалась. Он также указал, что имеет постоянное место жительства и должен заботиться о двух детях и о престарелой матери, а также что он не намеревается скрываться от органов. Данные жалобы судом не были рассмотрены.

24. 31 января 2001 г., по окончании экспертизы, дело было возвращено в районный суд. Слушание было назначено на 20 февраля 2001 г.

25. 20 февраля 2001 г. районный суд возобновил слушания по делу. Рассмотрение дела была окончено 2 марта 2001 г. Заявители были приговорены к условному сроку лишения свободы. В тот же день они были освобождены из-под стражи.

В. Условия содержания заявителей под стражей в ИЗ -25/1

1. Фактические обстоятельства в изложении заявителей

26. С 24 января 2000 г. до их освобождения 2 марта 2001 г. заявители содержались в камерах №№ 41, 58, 79, 82 и 105 следственного изолятора.

27. Все камеры, где содержались заявители, были одинакового размера, 7,5 на 2,6 м кв., по четыре спальных места в каждой. Вместе с каждым из заявителей в камере одновременно находилось от четырех до шести заключенных; следовательно, они могли спать только по очереди, а разрешалось спать только с 22.00 до 6.00. Заявителям и их сокамерникам не выдавали спальных принадлежностей и белья; они могли получить данные предметы только от родственников, а мыть и сушить их вынуждены были прямо в камерах.

28. В камерах было сыро; стены и потолок были покрыты плесенью. Воздух в камерах был тяжелый и спертый. Поскольку камеры не проветривались, в них было жарко летом и холодно зимой. В зависимости от времени года температура в камерах была от +10°C до +35°C. Окна камер были забраны металлической решеткой с «ресничками», то есть металлическими полосками, покрывавшими решетку и не пропускавшими естественный свет. Вентиляционное отверстие над дверью камеры имело площадь 0,06 м кв. Следовательно, движения воздуха не было. Камера постоянно освещалась одной лампой мощностью 60 ватт. Незащищенная электропроводка свисала с потолка и со стен. В камерах кишели тараканы, кровососущие насекомые и мыши, однако администрация не предпринимала каких-либо мер по борьбе с ними, отказываясь предоставить заключенным хотя бы хлорку для дезинфекции. Камеры не были оборудованы источником питьевой воды. Заключенным приходилось пить из-под крана, расположенного над унитазом. Однако эта вода была предназначена для слива унитаза.

29. Камеры были оснащены унитазами, установленными на расстоянии 0,5 м от стола, где принимали пищу. Унитазы не были изолированы от жилой зоны, так как администрация учреждения запрещала их зашторивать.

30. Несмотря на многочисленные просьбы заявителей, им так и не предоставили постельных принадлежностей и посуды. Им также не выдавали средств личной гигиены, таких как мыло, зубные щетки, наборы для бритья и туалетная бумага. По словам заявителей, они могли принимать душ только раз в 10-40 дней. Время на принятие душа не превышало 12 минут. Продолжительность прогулки составляла приблизительно 50 минут в день, однако иногда она сокращалась до 20-30 минут. Неоднократно охранявшие их сотрудники изолятора заставляли заявителей выбирать между принятием душа и прогулкой. Если заявители находились на встрече с адвокатом или в суде, они на прогулку не попадали. Скучная еда была исключительно низкого качества.

31. Заявителям, которые страдали от зубной боли и мочекаменной болезни, надлежащая медицинская помощь не предоставлялась со ссылкой на «отсутствие специалистов и необходимых препаратов». В ответ на обращение первого заявителя к фельдшеру по поводу почечных колик тот выдал ему лекарство, срок годности которого истек еще три года назад. В ответ на жалобы второго заявителя на приступы колики фельдшер отказался сделать ему укол, хотя и лекарство, и шприцы заявителю ранее передали родственники. Фельдшер сказал, что делает уколы только тяжелобольным, каковых он на тот момент якобы не наблюдал. Стоматологическая помощь оказывалась врачом, который принимал больных только раз в неделю. В ответ на жалобы заявителей на острую зубную боль он предложил вырывать зубы без анестезии, так как медицинских препаратов и оборудования для установления пломб нет.

32. В подтверждение своих жалоб заявители представили целый ряд документов, включая восемь писем, полученных от администрации следственного изолятора ИЗ-25/1 в ответ на их запросы, поданные в 2006 г.: пять ответов, датированных 19 апреля 2006 г. (два ответа о вентиляции камер, один о наличии металлических решеток на окнах камер, один о санитарной обработке камер и один о об отсутствии лицензии на право оказания квалифицированной медицинской помощи медицинской частью следственного изолятора в период содержания под стражей заявителей), один ответ, датированный 26 июля 2006 г. (отказ предоставить информацию об обеспечении заявителей средствами личной гигиены в связи с уничтожением архивов), один ответ от 18 августа 2006 г. (отказ предоставить постовые ведомости и перечень движения заключенных, отражающие ежедневное наполнение камеры № 79) и ответ от 22

августа 2006 г. (отказ предоставить постовые ведомости и перечень движения заключенных, отражающие ежедневное наполнение камеры № 41); рекомендации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП), вынесенные после посещения следственного изолятора со 2 по 17 декабря 2001 г.; показания трех очевидцев относительно условий содержания заявителей в следственном изоляторе, от 7 августа 2006 г. за подписью А.В., от 2 августа 2006 г. за подписью О.Л. и от 3 августа 2006 г. за подписью Е.К.; а также шесть заявлений с описанием условий содержания под стражей и отсутствием медицинской помощи в ИЗ-25/1, составленные заявителями и их сокамерниками и датированные 6 и 7 ноября 2000 г., 4, 5 и 23 декабря 2000 г. и 2 февраля 2001 г. Заявители не представили каких-либо медицинских справок относительно соответствующих условий содержания, будь то выданных во время содержания в ИЗ-25/1 или после освобождения.

2. Фактические обстоятельства в изложении Правительства

33. Со ссылкой на сообщение Генеральной прокуратуры, Правительство утверждало, что заявители содержались в камерах, используемых для содержания бывших работников правоохранительных органов.

34. Со ссылкой на информацию, предоставленную Федеральной службой исполнения наказаний, Правительство утверждало, что первый заявитель содержался в камере № 41, а второй в камерах №№ 79, 82 и 105 следственного изолятора.

35. Общая площадь камер и высота потолков была одинаковой и составляла 8 м кв. и 2,8 м соответственно. Каждая камера была оснащена четырьмя спальными местами. Одновременно с заявителями в камерах находилось только трое других заключенных. Тем не менее, далее в том же меморандуме Правительство указало, что в 2000 - 2001 гг. следственный изолятор был переполнен в связи с высоким уровнем преступности в регионе и ограниченной вместимостью изолятора. По этим причинам количество заключенных, содержащихся вместе с заявителями, превышало норму. Несмотря на сложности такого рода, каждый заключенный, содержащийся в камерах вместе с заявителями, был обеспечен спальным местом. Однако Правительство не указало точного числа заключенных, содержащихся вместе с заявителями, а также какого рода спальные места им были предоставлены.

36. Размер окон камер соответствовал установленным требованиям и равнялся одной восьмой площади пола, что предоставляло заключенным возможность читать и работать при естественном освещении. Каждое окно было оборудовано форточкой,

обеспечивавшей дополнительную вентиляцию. Также имелись вытяжные каналы над дверью. Температура в камерах была от +18°C до +24°C. В целях проветривания форточки и двери оставались открытыми во время прогулок заключенных. Все камеры были обеспечены водоснабжением. Средняя температура и влажность в камерах, а также качество воды соответствовали установленным санитарно-гигиеническим требованиям. Вспышек инфекционных или паразитарных заболеваний в рассматриваемый период времени зафиксировано не было.

37. Каждая камера следственного изолятора была оснащена лампами дневного и ночного освещения. Ночное освещение было включено с 22.00 до 6.00. Унитаз был отделен от жилого помещения при помощи шторки, которая обеспечивала уединение. Грызунов и паразитов-насекомых в камерах не было благодаря ежемесячной дезинфекции, проводимой администрацией. Кроме того, сотрудники медицинской части регулярно осматривали камеры на предмет наличия паразитов и грызунов.

38. Заявители и другие заключенные следственного изолятора могли принимать душ раз в семь дней. С такой же частотой менялось их постельное бельё. Заявители были обеспечены индивидуальными спальными местами, постельным бельем и посудой. Им выдавались наборы для обеспечения личной гигиены, включавшие мыло, зубную щетку, набор для бритья и туалетную бумагу. Дополнительные предметы гигиены могли быть предоставлены заявителям, если бы они подали письменное заявление с соответствующей просьбой, однако они этого не сделали.

39. Прогулки на открытом воздухе разрешались на протяжении часа ежедневно. Ни разу заключенные не должны были выбирать между принятием душа или совершением прогулки.

40. Правительство утверждало, что заявителям предоставлялась медицинская помощь в соответствии с установленными требованиями, хотя в период содержания заявителей под стражей медицинская часть и не имела лицензии на оказание квалифицированной медицинской помощи. Заявители прошли первичный медицинский осмотр при поступлении в следственный изолятор. Осмотр показал, что они здоровы. Медицинская часть следственного изолятора была оснащена необходимым оборудованием и лекарствами. Со ссылкой на целый ряд документов, Правительство утверждало, что на протяжении своего содержания в следственном изоляторе заявители не обращались за медицинской помощью и не подавали жалоб в администрацию о том, что сотрудники медицинской части не предоставили им помощи, за которой они обратились.

41. В подтверждение своей позиции Правительство представило, в частности, ряд справок, выданных администрацией ИЗ-25/1, справки,

подписанные медперсоналом ИЗ-25/1, постовые ведомости и копии некоторых документов из материалов следствия.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Заключение под стражей и предварительное содержание под стражей

42. До 1 июля 2002 г. уголовно-процессуальные вопросы регулировались Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (закон от 27 октября 1960 г., «старый УПК»).

1. Меры пресечения

43. Меры пресечения включают подписку о невыезде из города или области, личное поручительство, залог и содержание под стражей (статья 89 старого УПК).

2. Органы, принимающие решение о заключении под стражу

44. В соответствии с Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г., заключение под стражу и продление срока содержания под стражей допускаются только по судебному решению (ст. 22). По старому УПК, и прокурор, и суд могли вынести постановление о заключении под стражу (ст. 11, 89 и 96).

3. Основания для заключения под стражу

45. При решении вопроса о необходимости заключения обвиняемого под стражу, соответствующий орган должен решить, имеются ли «достаточные основания полагать», что данное лицо может скрыться от суда и следствия, воспрепятствовать установлению истины либо продолжить заниматься преступной деятельностью (ст. 89 старого УПК). Данный орган должен также принять во внимание тяжесть преступления, сведения о личности обвиняемого, его род занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (ст. 91 старого УПК). До 14 марта 2001 г. решение о заключении обвиняемого под стражу могло быть принято, если данное лицо обвинялось в совершении преступления, за которое предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года, либо при наличии в его деле «исключительных обстоятельств» (ст. 96).

4. Сроки содержания под стражей

Два вида содержания под стражей

46. Старый УПК предусматривал два вида содержания под стражей. Первый - «во время предварительного следствия», то есть пока компетентный орган – милиция или прокуратура – расследует дело. Второй – «во время суда» (или «во время судопроизводства»), т.е. на стадии судебного разбирательства. Хотя на практике различия между ними нет (обвиняемый содержится в одном следственном изоляторе), правила отсчета сроков разные

(i) Сроки содержания под стражей «во время предварительного следствия»

47. После задержания, подозреваемый заключался под стражу на «время предварительного следствия». Максимальный период содержания под стражей «во время предварительного следствия» составлял два месяца, однако «в исключительных случаях» он мог быть продлен до восемнадцати месяцев. Решения о продлении срока принимались вышестоящими прокурорами. Не допускалось продление срока содержания под стражей «во время предварительного следствия» свыше восемнадцати месяцев (ст. 97 старого УПК).

(ii) Сроки содержания под стражей «во время суда» («во время судопроизводства»)

48. С момента направления прокурором дела в суд содержание обвиняемого под стражей рассматривалось как содержание «во время суда» («во время судопроизводства»). До 14 марта 2001 г. старый УПК не устанавливал предельных сроков содержания под стражей «во время суда».

5. Процедура пересмотра законности содержания под стражей

(а) Содержание под стражей «во время предварительного следствия»

49. По старому УПК, лицо, содержащееся под стражей, либо его/ее защитник или представитель могли обжаловать в судебном порядке постановление прокурора о назначении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также последующие постановления о продлении срока содержания под стражей. Судья должен был рассмотреть вопрос о законности и обоснованности соответствующих постановлений в течение трех дней после получения соответствующих документов. Жалоба рассматривалась в закрытом заседании в присутствии прокурора и защитника обвиняемого, либо его представителя. Суд был обязан вызвать обвиняемого в судебное

заседание. Рассмотрение жалобы в его отсутствие было возможным лишь в исключительных обстоятельствах, если обвиняемый по собственной воле отказывался от присутствия во время заседания. Судья мог отклонить жалобу либо отменить постановление и освободить обвиняемого (ч. 1 ст. 220). Решение судьи могло быть обжаловано в вышестоящий суд. Жалоба подлежала рассмотрению в сроки, установленные для рассмотрения кассационных жалоб на приговор суд (ст. 331 в окончательной редакции).

(b) Содержание под стражей во время суда

50. По поступившему к нему уголовному делу судья должен был принять решение, в частности, об оставлении обвиняемого под стражей на время суда либо об его освобождении (ч. 5 ст. 222 и ст. 230 старого УПК), а также рассмотреть ходатайство обвиняемого об отмене меры пресечения (ст. 223 старого УПК). В случае отказа в ходатайстве оно могло быть возобновлено в судебном заседании (ст. 223 старого УПК).

51. На любой стадии судопроизводства суд мог принять решение об избрании, изменении или отмене любой меры пресечения, включая содержание под стражей (ст. 260 старого УПК). Данное решение могло быть обжаловано в вышестоящий суд. Жалоба должна была быть подана в течение десяти дней. Она рассматривалась в тот же срок, что и жалоба на приговор суда (ст. 331 старого УПК).

б. Сроки проведения суда

52. По старому УПК, длительного судопроизводства не ограничивалась.

В. Оказание медицинской помощи

53. Закон 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает, что лица, содержащиеся под стражей, имеют право получать медико-санитарное обеспечение (ст. 17). При ухудшении состояния здоровья лица, содержащегося под стражей, медицинскими работниками мест содержания под стражей безотлагательно производится его медицинское освидетельствование. Результаты освидетельствования фиксируются и сообщаются данному лицу. Если лицо ходатайствует о производстве освидетельствования работниками других медицинских учреждений, администрация места содержания под стражей обязана обеспечить такое освидетельствование. Отказ в проведении такого освидетельствования может быть обжалован прокурору или в суд. В случае тяжкого заболевания лица, содержащегося под стражей,

администрация места содержания под стражей незамедлительно сообщает об этом прокурору, который может проводить проверку по данному факту (ст. 24).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

54. Заявители жаловались, что условия их содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-25/1 и отсутствие там медицинской помощи достигли уровня унижающего и жестокого обращения. Они ссылались на статью 3 Конвенции, которая устанавливает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Общие условия содержания

1. Доводы сторон

55. Заявители утверждали, что условия их содержания под стражей в переполненных камерах, где не было достаточно места и которые плохо отапливались и проветривались, причинили им моральные и физические страдания и достигли уровня жестокого обращения.

56. Правительство утверждало, что условия содержания заявителей в следственном изоляторе ИЗ-25/1 соответствовали требованиям статьи 3. Правительство признало, что в период содержания заявителей под стражей следственные изоляторы были переполнены, но указало, что власти не преследовали цели подвергнуть заявителей жестокому обращению.

2. Оценка Суда

(a) Приемлемость

57. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она объявляется приемлемой.

(b) По существу

58. Суд отмечает, что следственный изолятор ИЗ-25/1 был значительно переполнен на протяжении всего периода содержания заявителей под стражей. Все камеры, где содержались заявители во время своего пребывания в данном учреждении, были идентичного размера, с высотой стен в 2,6 м и общей площадью в 7,5 м кв. согласно заявителям и высотой 2,8 м и общей площадью 8 м кв. согласно Правительству. Учитывая количество спальных мест, камеры были рассчитаны на четырех человек, согласно Правительству (см. п. 35 выше). Согласно заявителям, фактически в камерах содержалось от четырех до семи лиц (см. п. 27 выше). Правительство признало, что во время содержания заявителей под стражей следственный изолятор был переполнен в связи с высоким уровнем преступности и малой вместимостью изолятора. Оно также признало, что по этой причине количество лиц, содержащихся в одной камере с заявителями, превышало установленные нормы (см. п. 35 выше). Данные цифры предполагают, что в любой промежуток времени в камерах, где содержались заявители, на одного заключенного приходилось менее 2 м кв., и что они не всегда имели индивидуальное спальное место. За исключением ежедневных прогулок, которые длились от 30 до 40 минут согласно заявителям или около часа согласно Правительству, заявители все время должны были оставаться в камерах.

59. Суд повторяет, что по целому ряду дел недостаточное обеспечение заключенных личным пространством в российских следственных изоляторах являлось такой острой проблемой, что само по себе оправдывало признание Европейским судом нарушения статьи 3 Конвенции. По данной категории дел на каждого заявителя приходилось менее 3 м кв. личного пространства (см., к примеру, *Lind v. Russia*, № 25664/05, § 59, 6 декабря 2007 г.; *Kantyrev v. Russia*, № 37213/02, §§ 50-51, 21 июня 2007 г.; *Andrey Frolov v. Russia*, № 205/02, §§ 47-49, 29 марта 2007 г.; *Mayzit v. Russia*, № 63378/00, § 40, 20 января 2005 г.; и *Labzov v. Russia*, № 62208/00, § 44, 16 июня 2005 г.)

60. Принимая во внимание свое прецедентное право по данному вопросу, а также материалы, представленные сторонами, Суд отмечает, что Правительство не указало на какие-либо факты и не выдвинуло ни одного довода, которые бы убедили Суд прийти к иному выводу по данному делу. В течение более тринадцати месяцев заявители были вынуждены жить, спать и пользоваться туалетом в таких стесненных условиях, что уже один недостаток пространства причинял им трудности и страдания, интенсивность которых превышала уровень страданий, неизбежный при содержании под стражей. Следовательно, условия содержания заявителей под стражей достигли уровня жестокого и унижающего обращения.

61. Относительно довода Правительства о том, что власти не преследовали цели причинить заявителям страдания, Суд повторяет, что, хотя вопрос о том, было ли целью обращения с лицом унижение человеческого достоинства и попрание личности жертвы, является фактором, который надлежит принимать во внимание, отсутствие такой цели не может исключать вывод о наличии нарушения статьи 3 (см. *Kalashnikov v. Russia*, № 47095/99, § 101, ECHR 2002-VI).

62. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителей под стражей в следственном изоляторе ИЗ-25/1.

В. Предполагаемое неоказание медицинской помощи

1. Доводы сторон

63. Заявители утверждали, что в период их нахождения в ИЗ-25/1 им не предоставлялась медицинская помощь. В частности, они указывали, что их жалобы по поводу зубной и почечной боли медицинским персоналом изолятора игнорировались, либо им предоставлялась некачественная медицинская помощь.

64. Правительство указало, что заявители не исчерпали внутренних средств правовой защиты, так как не обжаловали неоказание медицинской помощи в администрацию учреждения. Далее, Правительство утверждало, что жалобы заявителей на неоказание медицинской помощи были необоснованными, так как ИЗ-25/1 был полностью оснащен необходимыми лекарственными средствами, и заявители ни разу не обращались за медицинской помощью во время из содержания под стражей. Правительство также утверждало, что даже если в период содержания заявителей под стражей медицинская часть следственного изолятора не имела лицензии на оказание профессиональной медицинской помощи, если бы заявители обратились за помощью, таковая была бы оказана медицинским персоналом и они бы получили необходимое лечение и медикаменты, либо они были бы направлены в другие больницы Владивостока.

2. Оценка Суда

Приемлемость

65. Суд повторяет, что правило исчерпания национальных средств правовой защиты накладывает обязательство на всех тех, кто пытается возбудить дело против государства в международном судебном или арбитражном органе, использовать сначала средства правовой защиты, предусмотренные в национальной правовой системе. Данное правило

основано на предположении, что в национальной системе имеется эффективное средство правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения, вне зависимости от того, инкорпорированы ли положения Конвенции в национальное законодательство или нет. Таким образом, речь идет о важном аспекте принципа вспомогательной роли механизма защиты, предусмотренного Конвенцией, по отношению к национальным системам, содержащим гарантии соблюдения прав человека (см. *Handyside v. the United Kingdom*, 7 декабря 1976 г., § 48, Series A no. 24). В то же время Правительство, заявляющее о не исчерпании средств, обязано доказать Суду, что средство правовой защиты являлось эффективным и наличествовало не только в теории, но и на практике в рассматриваемый период, то есть что оно было доступным, могло предоставить компенсацию в отношении нарушений, на которые жаловался заявитель, и что его использование было в достаточной степени перспективным (см. *Selmouni v. France* [БП], № 25803/94, § 76, ECHR 1999-V, и *Mifsud v. France* (реш.), № 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII).

66. Суд отмечает, что, согласно доводам заявителей, они обращались за помощью в следственный изолятор, однако их обращения игнорировались персоналом медицинской части, либо им оказывалось некачественная помощь (см. п. 31). Однако из материалов, предоставленных Суду, не следует, что заявители когда-либо обжаловали предполагаемое неказание медицинской помощи в администрацию ИЗ-25/1. Кроме того, Суд отмечает, что данные об отсутствии у медицинской части лицензии были получены заявителями только в апреле 2006 г., т.е. после того, как прошло более пяти лет после их освобождения (см. п. 32), и что заявители никогда не обращали внимания национальных властей на этот факт. Суд далее отмечает, что заявители поднимали вопрос о предполагаемом отсутствии медицинской помощи только в свете их ходатайств об освобождении до суда, и только в качестве одного из оснований для их освобождения, но не как отдельную жалобу по данному вопросу (см. п. 15, 19-21 и 23 выше). Согласно Правительству, если бы заявители пожаловались на отсутствие медицинской помощи в администрацию следственного изолятора, последняя бы обеспечила либо оказание помощи, либо помещение заявителей в другие больницы города. В подтверждение своей позиции Правительство предоставило Суду целый ряд справок и заявлений, подписанных медицинским персоналом ИЗ-25/1, а также медицинские книжки заявителей, из которых явствует, что они не обращались за медицинской помощью в период своего содержания в ИЗ-25/1.

67. Суд повторяет, что в тех случаях, когда предметом обжалования является не общеизвестная структурная проблема, такая как общие условия содержания под стражей, в частности переполненность

изоляторов, но конкретное действие или бездействие властей, как правило, от заявителя необходимо требовать исчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении его жалоб. Суд уже устанавливал, что заявители, которые жалуются на неоказание медицинской помощи, должны подавать жалобы в компетентные национальные органы, включая администрацию следственного изолятора (см. *Solovyev v. Russia* (реш.), № 76114/01, 27 сентября 2007 г., и *Tarariyeva v. Russia* (реш.), № 4353/03, 11 октября 2005 г.). В этой связи Суд отмечает, что в период содержания заявителей под стражей национальным законодательством было предусмотрено право заключенного ходатайствовать о производстве медицинского освидетельствования медицинским персоналом иных медицинских учреждений и в случаях, если администрация следственного изолятора отказывала в таком освидетельствовании, обжаловать данный отказ прокурору или в суд (см. п. 53). Тем не менее, по данному делу заявители не прибегли к этому средству правовой защиты и не подняли вопроса о предполагаемом отсутствии медицинской помощи либо о ее некачественном характере ни перед администрацией следственного изолятора, ни перед прокурором или судом. Ничто не говорит о том, что такое средство правовой защиты оказалось бы неэффективным в ситуации заявителей. Следовательно, Суд не видит оснований для освобождения заявителей от выполнения требования исчерпать внутренние средства правовой защиты в отношении предполагаемого неоказания медицинской помощи.

68. С учетом данных обстоятельств, Суд не усматривает причин для отклонения возражения, сделанного Правительством по поводу приемлемости жалобы заявителей на неоказание медицинской помощи в ИЗ-25/1. Следовательно, данная часть жалобы, поданной в соответствии со статьей 3, должна быть отклонена в связи с не исчерпанием внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

69. Заявители жаловались на чрезмерную длительность их содержания под стражей. Они ссылались на пункт 3 статьи 5 Конвенции, который устанавливает:

« Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 данной статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

(а) Приемлемость

70. Правительство утверждало, что заявители не исчерпали внутренних средств правовой защиты, так как они не обжаловали ни одного из решений о продлении срока их содержания под стражей. Правительство также полагало, что заявители подавали ходатайства об освобождении только после передачи уголовного дела следователями в районный суд, то есть после 29 октября 2000 г. Данные ходатайства могли быть рассмотрены судом только в ходе слушания уголовного дела. Однако рассмотрение было отложено с 11 октября 2000 г. на 20 февраля 2001 г. в связи с необходимостью проведения дополнительной экспертизы. Поэтому жалобы, поданные заявителями в период между 29 октября 2000 г. и 20 февраля 2001 г., не были рассмотрены районным судом. Правительство также указывало, что заявители не подавали ходатайств об освобождении во время слушания их дела 11 октября 2000 г., а также во время слушаний, проходивших 20 февраля 2001 г. и 2 марта 2001 г.

71. Суд считает, что лицо, которое жалуется на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с длительностью его содержания под стражей в ситуации, которая характерна для данного дела, по сути, жалуется на длительную ситуацию, которая должна рассматриваться целиком, без разбивки на отдельные периоды (см., *mutatis mutandis*, *Solmaz v. Turkey*, № 27561/02, §§ 29 и 37, ECHR 2007-...). Суд отмечает, что после того как заявители были задержаны 14 января 2000 г., их постоянно оставляли под стражей вплоть до освобождения 2 марта 2001 г. Заявители не отрицают, что не обжаловали в порядке кассации постановления, продлевающие срок их содержания под стражей во время проведения следствия, а также не обжаловали постановление суда от 8 августа 2000 г., которым срок содержания под стражей был продлен до окончания суда. Однако в первый же день судопроизводства, 11 октября 2000 г., заявители подали ходатайство об освобождении до суда (см. п. 15 выше). Ни данное ходатайство, ни последующие ходатайства об освобождении до суда не были рассмотрены судом первой инстанции по той причине, что слушание дела было отложено для проведения экспертизы. Заявлением целого ряда ходатайств об освобождении до суда с 11 октября 2000 г. по 20 февраля 2001 г. заявители в достаточной степени проинформировали суд о своей ситуации, предоставив возможность рассмотреть вопрос о том, соответствовало ли содержание под стражей их праву на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Правительство не продемонстрировало, какие еще средства правовой защиты могли быть использованы заявителями в их ситуации с целью изменения примененной к ним меры пресечения после начала суда. Следовательно, Суд считает, что данная жалоба не может быть отклонена в связи с не исчерпанием внутренних средств правовой

защиты. С учетом данных обстоятельств, возражение Правительства о не исчерпании внутренних средств правовой защиты должно быть отклонено.

72. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба объявляется приемлемой.

(b) По существу

1. Доводы сторон

73. Правительство утверждало, что длительность содержания заявителей под стражей не была необоснованной. Она соответствовала национальному законодательству. Длительность в 13 месяцев и 17 дней чрезмерной не является. Оно также указало, что национальное законодательство, действовавшее в рассматриваемый период, не устанавливало предельных сроков содержания под стражей во время суда. Далее, Правительство утверждало, что предварительное содержание заявителей под стражей оправдывалось тяжестью предъявленного им обвинения и опасением, что они, будучи один действительным, а другой бывшим сотрудниками милиции, могут помешать отправлению правосудия либо скрыться от органов.

74. Заявители утверждали, что их уголовное дело не было сложным. Также не было необходимости содержать их под стражей на протяжении столь длительного периода времени, так как не было никаких данных о том, что они пытаются воспрепятствовать отправлению правосудия, скрыться или оказать давление на свидетелей. Они также утверждали, что ссылки властей на тяжесть предъявленного им обвинения и на необходимость производства дополнительных следственных действий не являлись достаточными основаниями для их содержания под стражей. В частности, они отметили, что в решении суда от 8 августа 2000 г. не были указаны конкретные и достаточные основания для продления срока содержания под стражей.

2. Оценка Суда

75. Суд повторяет, что сохранение обоснованных подозрений в том, что заключенный под стражу совершил преступное деяние, является неременным условием законности продолжительного содержания под стражей, однако по прошествии определенного периода оно становится недостаточным. В таких случаях Суд должен установить, по-прежнему ли оправдывалось лишение свободы иными основаниями, указанными судебными органами. Если такие основания

были «относящимися к делу» и «достаточными», Суд должен также установить, провели ли компетентные национальные органы рассмотрение дела «с особым тщанием» (см. *Labita v. Italy* [БП], № 26772/95, §§ 152 и 153, ECHR 2000-IV).

76. Презумпция всегда должна быть сделана в пользу освобождения. Как неоднократно отмечалось Судом, вторая часть пункта 3 статьи 5 вовсе не предоставляет судебным властям выбирать между проведением судебного разбирательства в отношении обвиняемого в течение разумного срока и его предварительным освобождением до суда. До вынесения обвинительного приговора обвиняемый должен считаться невиновным, и основной целью данной нормы является требование предварительного освобождения, как только продолжительное содержание под стражей перестает быть оправданным. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно быть освобождено из-под стражи до судебного разбирательства, если только государство не докажет, что имеются "относящиеся к делу достаточные" основания, оправдывающие длительное содержание под стражей (см., среди прочих источников, *Castravet v. Moldova*, № 23393/05, §§ 30 и 32, 13 марта 2007 г.; *McKay v. the United Kingdom* [БП], № 543/03, § 41, ECHR 2006-X; *Jabłoński v. Poland*, № 33492/96, § 83, 21 декабря 2000 г.; и *Neumeister v. Austria*, 27 июня 1968 г., § 4, Series A no. 8).

77. Национальные власти обязаны установить наличие конкретных обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к основаниям для продолжительного содержания под стражей. Перемещение бремени доказывания данных вопросов на заключенного равносильно полному поправанию принципа, заложенного в статье 5 Конвенции. Данная статья рассматривает заключение под стражу как исключительное отступление от права на свободу, которое возможно только в строго определенных случаях, перечень которых является исчерпывающим (см. *Rokhlina v. Russia*, № 54071/00, § 67, 7 апреля 2005 г. и *Ilijkov v. Bulgaria*, № 33977/96, §§ 84-85, 26 июля 2001 г.) Национальные судебные органы должны изучить все доводы за и против существования подлинной необходимости с точки зрения общественных интересов, которые могут оправдать отступление от принципа уважения личной свободы. При этом необходимо уделить должное внимание принципу презумпции невиновности. Далее, судебные органы должны изложить такие доводы в своих решениях, где они отказывают в освобождении заявителя. В задачи Суда не входит устанавливать такие факты, замещая национальные власти, вынесшие решение по вопросу о содержании заявителя под стражей. Именно с учетом оснований, указанных в таких решениях, а также достоверных данных, приведенных заявителем в его жалобах, Суд должен решить, имело ли место нарушение пункта 3 статьи 5

Конвенции или нет (см. *Korchuganova v. Russia*, № 75039/01, § 72, 8 июня 2006 г.; *Ilijkov*, § 86; и *Labita*, § 152).

78. Заявители были задержаны 14 января 2000 г. и оставались под стражей до 2 марта 2001 г. Следовательно, период, который надлежит принимать во внимание, длился 13 месяцев и 17 дней.

79. Суд допускает, что содержание заявителей под стражей изначально могло быть оправдано обоснованными подозрениями в совершении преступления. Остается установить, привели ли судебные власти «относящиеся к делу» и «достаточные» основания для продления срока содержания заявителей под стражей и провели ли они рассмотрение дела «с должным тщанием».

80. Кроме тяжести предъявленного заявителям обвинения, судебные власти ссылались на возможность заявителей скрыться либо оказать давление на свидетелей.

81. Суд отмечает, что тяжесть предъявленного обвинения являлась основным фактором при оценке возможности заявителей скрыться. Национальные власти исходили из предположения, что тяжесть предъявленного обвинения имеет такое большое значение, что никакие иные обстоятельства не могут обусловить освобождение заявителей. Суд неоднократно указывал, что хотя суровость наказания, угрожающего обвиняемому, является значимым фактором при оценке возможности скрыться или продолжить занятие преступной деятельностью, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Длительное содержание под стражей также не может предвосхищать отбывание наказания в виде лишения свободы (см. *Letellier v. France*, постановление от 26 июня 1991 г., § 51, Series A no. 207; см. также *Panchenko v. Russia*, № 45100/98, § 102, 8 февраля 2005 г.; *Goral v. Poland*, № 38654/97, § 68, 30 октября 2003 г.; и *Ilijkov*, § 81).

82. Национальные власти также ссылались на тот факт, что заявители могли воспрепятствовать отправлению правосудия посредством оказания давления на свидетелей. Хотя такие факторы могут оправдывать относительно долгий период содержания под стражей, они не предоставляют властям неограниченные возможности по продлению действия данной меры пресечения (см. *Osuch v. Poland*, № 31246/02, § 26, 14 ноября 2006 г., и *Celejewski v. Poland*, № 17584/04, §§ 37-38, 4 мая 2006 г.) Одно то, что лицу предъявлено уголовное обвинение, не является достаточным для оправдания длительных периодов содержания под стражей; всегда должны приниматься во внимание личное положение и поведение обвиняемого. В данном деле ничто не говорит о том, что заявители когда-либо пытались запугать свидетелей либо иначе помешать производству по делу. Учитывая данные обстоятельства, Суду сложно представить, что существовала

возможность вмешательства в отправление правосудия на более поздних стадиях судопроизводства. Следовательно, Суд не убежден в том, что на протяжении всего периода содержания под стражей существовали убедительные причины опасаться, что заявители окажут давление на свидетелей или иначе помешают производству расследования. Несомненно, такие опасения не были настолько серьезными, чтобы превалировать над правом заявителей на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

83. Далее, Суд отмечает, что после того как дело было передано в суд, 8 августа 2000 г. суд первой инстанции использовал стандартную формулировку при продлении срока содержания обоих заявителей под стражей, не сославшись на хоть сколько-нибудь конкретные личные характеристики и не указав каких-либо оснований для продления срока содержания под стражей (см. п. 22 выше). Суд уже признавал, что практика вынесения постановлений о заключении под стражу группы лиц без оценки оснований для содержания под стражей каждого отдельно взятого лица сама по себе противоречит пункту 3 статьи 5 Конвенции (см. *Shcheglyuk v. Russia*, № 7649/02, § 45, 14 декабря 2006 г.; *Korchuganova*, § 76; и *Dolgova v. Russia*, № 11886/05, § 49, 2 марта 2006 г.) Продлив содержание обоих заявителей под стражей на основании стандартной формулировки и без указания каких-либо причин для такого решения, суд первой инстанции не рассмотрел личную ситуацию каждого из заявителей.

84. Далее, Суд отмечает, что в вышеупомянутом постановлении суда первой инстанции не был указан срок, на который продлевалось их содержание под стражей, и что соответствующее законодательство, действовавшее в тот период, также не устанавливало предельных сроков содержания под стражей.

85. Наконец, Суд отмечает, что, при разрешении вопроса о том, освободить ли лицо или продлить срок его пребывания под стражей, власти, в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, обязаны рассмотреть возможность применения иных мер, которые бы обеспечили явку в суд. Данное положение Конвенции не только провозглашает право на «судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», но и устанавливает, что «освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд» (см. *Sulaoja*, § 64 в окончательной редакции, 15 февраля 2005 г., и *Jabłoński*, § 83). В данном деле власти ни разу не рассмотрели возможность обеспечения явки заявителей посредством применения более мягкой меры пресечения.

86. Суд неоднократно признавал нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции по тем из российских дел, где национальные суды продлевали сроки содержания заявителя под стражей только со

ссылкой на тяжесть обвинения и с использованием стандартных формулировок, без принятия во внимание конкретных обстоятельств и рассмотрения возможности применения иных мер пресечения (см. *Belevitskiy v. Russia*, № 72967/01, §§ 99 и далее, 1 марта 2007 г.; *Khudobin v. Russia*, № 59696/00, §§ 103 и далее, ECHR 2006-XII; *Mamedova v. Russia*, № 7064/05, §§ 72 и далее, 1 июня 2006 г.; *Dolgova*, §§ 38 и далее; *Khudoyorov v. Russia*, № 6847/02, §§ 172 и далее, ECHR 2005-X; *Rokhlina*, §§ 63 и далее; *Panchenko*, §§ 91 и далее; и *Smirnova v. Russia*, №№ 46133/99 и 48183/99, §§ 56 и далее, ECHR 2003-IX).

87. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что, не изучив конкретных обстоятельств и не рассмотрев возможности применения иных «мер пресечения», а также ссылаясь исключительно на тяжесть обвинения, власти продлили срок содержания заявителей под стражей по основаниям, которые хотя и были относимыми к делу, но не были достаточными для оправдания столь длительного содержания под стражей. В данной ситуации нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли проведено рассмотрение дела «с особым тщанием».

88. Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

89. Заявители жаловались в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции на то, что они не могли добиться судебного пересмотра правомерности их содержания под стражей, в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, который предусматривает следующее:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Доводы сторон

90. Заявители указали, что их жалобы и ходатайства об освобождении до суда, поданные в районный суд, не были рассмотрены властями.

91. Правительство указало, что жалобы и ходатайства об освобождении, поданные заявителями, не были рассмотрены судами по той причине, что с 11 октября 2000 г. по 20 февраля 2001 г. слушание дела заявителей было отложено в связи с необходимостью получения дополнительных доказательств. Оно также отметило, что заявители не заявляли ходатайств об освобождении во время слушания

их дела 11 октября 2000 г., а также во время слушаний, проводившихся с 20 февраля по 2 марта 2001 г.

В. Оценка Суда

(а) Приемлемость

92. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она объявляется приемлемой.

(b) По существу

93. Суд повторяет, что пункт 4 статьи 5, закрепляя за задержанными или заключенными под стражу право на обжалование правомерности их заключения под стражу, также провозглашает их право на безотлагательное судебное рассмотрение такой жалобы о правомерности их заключения под стражу и на окончание содержания под стражей, если оно будет признано неправомерным (см. *Rokhlina*, § 74).

94. Крайне важно, чтобы заинтересованное лицо имело доступ к суду и возможность высказаться либо лично, либо, при необходимости, посредством какого-либо представителя. Если данные требования не соблюдаются, то данному лицу не предоставляются «фундаментальные процессуальные гарантии, применимые при решении вопросов, связанных с лишением свободы» (см. *Winterwerp v. the Netherlands*, 24 октября 1979 г., § 60, Series A no. 33, и *Sanchez-Reisse v. Switzerland*, 21 октября 1986 г., § 51, Series A no. 107).

95. Хотя пункт 4 статьи 5 Конвенции не предусматривает обязанности рассмотреть каждый довод, приведенный лицом, содержащимся под стражей, в его жалобах, судья, рассматривающий жалобы по вопросам о предварительном содержании под стражей, должен принять во внимание конкретные факты, на которые ссылается лицо, содержащееся под стражей, и которые могут поставить под сомнение наличие условий, необходимых для «правомерности», по смыслу Конвенции, лишения свободы (см. *Nikolova v. Bulgaria* [БП], № 31195/96, § 61, ECHR 1999-II).

96. Прежде всего, Суд рассмотрит довод Правительства о том, что заявители не подавали ходатайств об освобождении до суда в рамках слушания их дела, состоявшегося 11 октября 2000 г., а также слушаний, проводившихся с 20 февраля 2001 г. по 2 марта 2001 г.

97. Суд отмечает, что во время слушания дела 11 октября 2000 г. оба заявителя заявили ходатайства об освобождении до суда. Данная жалоба была приобщена к материалам уголовного дела (см. п. 15

выше). Суд также отмечает, что второй заявитель подал ходатайство об освобождении до суда 20 февраля 2001 г. (см. п. 23 выше). Хотя Правительство отрицает, что заявителями были поданы данные жалобы именно в эти дни, в своем меморандуме Правительство не оспорило ни источник, ни аутентичность данных документов. Следовательно, Суд согласен с тем фактом, что оба заявителя подали ходатайство об освобождении 11 октября 2000 г. и что второй заявитель подал ходатайство об освобождении 20 февраля 2001 г., однако данные ходатайства были оставлены районным судом без рассмотрения.

98. Далее, Суд отмечает, что с 29 октября по 20 февраля 2001 г. заявители подали целый ряд подробных ходатайств об освобождении до суда: первый заявитель подал две жалобы (см. п. 16 и 20 выше), а второй заявитель подал шесть жалоб (см. п. 17, 19, 21 и 23 выше). Только на одну из этих жалоб, поданную вторым заявителем 3 января 2000 г., районным судом был дан ответ (см. п. 22 выше). В ответе не было указано, проводилось ли судебное рассмотрение ходатайства. Суд только подтвердил получение жалобы и сообщил, что оснований для изменения меры пресечения в отношении заявителя не было. При этом не было указано каких-либо причин для такого решения, а также не были рассмотрены конкретные доводы, приведенные заявителем. Остальные жалобы заявителей, поданные с 29 октября 2000 г. по 20 февраля 2001 г., остались без ответа со стороны районного суда, который таким образом не провел судебного пересмотра правомерности содержания заявителей под стражей.

99. Итак, заявители были лишены права на вынесение судебного решения относительно правомерности их содержания под стражей.

100. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

101. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

1. Материальный ущерб

(а) Первый заявитель

102. Первый заявитель требовал выплаты 25 000 рублей (694 евро) в качестве компенсации расходов на лечение зубов и почек в 2001 г., после его освобождения из-под стражи; 4 500 рублей (125 евро) в качестве компенсации оплаты юридического обучения, которое он был вынужден пройти в 2006 г. предположительно в связи с низким качеством юридической помощи, предоставленной ему в рамках национального судопроизводства в 2000 – 2001 гг.; и 966 000 рублей (26 833 евро) в качестве компенсации потерянного заработка после увольнения из органов милиции. Общая сумма требования, заявленного первым заявителем, составила 995 500 рублей (27 652 евро).

103. Правительство оспаривало данное требование. Оно отмечало, что расходы на лечение зубов были понесены после освобождения заявителя из-под стражи; что расходы на лечение почек не были обоснованными; что расходы на образование не были необходимыми, и что требование компенсации утраченного заработка не было обоснованным.

104. Суд отмечает отсутствие причинно-следственной связи между нарушениями, имевшими место по данному делу, и предполагаемой утратой заработка, а также необходимостью получить юридическое образование. Аналогично, Суд не считает установленным, что расходы на лечение зубов и почек были обусловлены условиями содержания под стражей, на основании которых Суд признал нарушение статьи 3. В свете данных соображений, Суд отклоняет требование заявителя о компенсации материального ущерба.

(б) Второй заявитель

105. Второй заявитель требовал выплаты 34 731 рублей (964 евро) в качестве компенсации расходов на лечение зубов, понесенных в 2001 г., после его освобождения из-под стражи.

106. Правительство оспаривало данное требование. Оно отмечало, что расходы на лечение зубов были понесены после освобождения заявителя из-под стражи.

107. Суд не считает установленным, что лечение зубов было обусловлено условиями содержания под стражей, на основании которых Суд признал нарушение статьи 3. В свете данных соображений, Суд отклоняет требование заявителя о компенсации материального ущерба.

2. Моральный ущерб

108. Каждый из заявителей требовал выплаты 288 000 рублей (8 000 евро) в качестве компенсации физических и моральных страданий, причиненных им во время содержания под стражей в ИЗ-25/1.

109. Правительство оспаривало данные требования как необоснованные.

110. Суд согласен, что заявители претерпели унижения и страдания в связи с бесчеловечными и унижающими достоинство условиями их содержания под стражей в ИЗ-25/1, а также в связи с длительностью их содержания под стражей и отказом властей пересмотреть его правомерность. Принимая решение на основе принципа справедливости, а также учитывая свое прецедентное право по данному вопросу, Суд присуждает каждому из заявителей по 8 000 евро, как и было затребовано ими, в качестве компенсации морального ущерба, плюс все налоги, которыми данные суммы могут облагаться.

В. Расходы и издержки

111. Заявители требовали выплаты 2 978 рублей (83 евро) в качестве компенсации расходов на пересылку и ксерокопирование; каждый из них требовал выплаты 500 долларов США в качестве компенсации расходов, связанных с оплатой юридической помощи, предоставленной в рамках уголовного производства на национальном уровне в 2000 – 2001 гг., а также 4 610 евро за 76 часов работы юристов М. Рачковского, Е. Крутиковой и В. Бокаревой из Центра содействия международной защите.

112. Правительство возражало, что заявители не представили каких-либо документов в обоснование расходов, связанных с оплатой юридической помощи.

113. Суд повторяет, что для включения судебных расходов и издержек в сумму возмещения ущерба, присуждаемую в порядке статьи 41 Конвенции, должно быть установлено, что эти расходы и издержки действительно и неизбежно имели место и что их сумма была разумна (см., к примеру, *Stašaitis v. Lithuania*, № 47679/99, §§ 102-103, 21 марта 2002 г.)

114. Суд отмечает, что заявители не представили каких-либо документов в обоснование расходов на юридическую помощь, понесенных в рамках уголовного производства на национальном уровне. Далее, Суд отмечает, что юристы Центра содействия международной защите представляли интересы заявителей с марта 2006 г. и что они представили подробное описание работы, проведенной по делу заявителей. Учитывая ту информацию, которой Суд располагает, а также общий объем работы, проделанный

юридическими представителями заявителей, Суд присуждает заявителям совокупно 2 000 евро в отношении расходов и издержек, за вычетом 850 евро, полученных от Совета Европы в качестве юридической помощи, вместе с любым налогом на добавленную стоимость, которым эта сумма может облагаться.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

115. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы, поданные в соответствии со статьей 3 относительно условий содержания заявителей под стражей в следственном изоляторе ИЗ-25/1, а также в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 5 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителей под стражей в изоляторе ИЗ-25/1;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
5. *Постановляет*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы:
 - (i) 8 000 (восемь тысяч) евро каждому заявителю в качестве компенсации морального ущерба. Данная сумма должна быть переведена в рубли по курсу, действующему на день выплаты;
 - (ii) 1 150 (одну тысячу сто пятьдесят) евро заявителям совокупно в качестве компенсации расходов и издержек. Данная сумма должна быть переведена в рубли по курсу, действующему на день выплаты;

(iii) все налоги, которыми данные суммы могут облагаться;
(b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

б. *Отклоняет* остальную часть требования справедливой компенсации, поданного заявителями.

Совершено на английском языке и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 23 апреля 2009 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Регистратор

Христос Розакис
Председатель